

МАРИНА СЕРОВА

**Завтра
началось вчера**

Серия
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Завтра началось вчера

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Завтра началось вчера / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Похоже, выпитое вино действительно затормозило реакцию Тани. Вместо того чтобы нажать на газ и побыстрее уехать, она продолжала пялиться на человека с пистолетом. А он время даром не терял: бесцеремонно уселся рядом и крикнул: «Погнали!» Пассажира звали Сергеем. Рассказанное же им было довольно банальным. Двое напились, поссорились и подрались. Но Таню заинтересовал тот факт, что потасовкой явно кто-то воспользовался. В результате неожиданно прогремевших выстрелов был убит Серегин случайный знакомый, Андрей. Вложив пистолет в руки Сергея, киллер скрылся. Частный детектив Таня Иванова решает помочь молодому человеку и для начала прячет его у себя на конспиративной квартире...

© Серова М. С., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Завтра началось вчера

ГЛАВА 1

– Ну что, пойдём выйдем? – с вызовом произнес изрядно подвыпивший мужчина лет тридцати соседу по стойке бара, накачавшемуся не менее, чем он сам.

Сначала пили отдельно, каждый сам по себе. Один попросил прикурить. Невзначай завязался разговор, и между делом они познакомились. Одного звали Андрей, другого Сергей. Ребята продолжали выпивать, болтая при этом ни о чем. Затем завязался спор по поводу того, кто же все-таки красивее: Мадонна или Синди Кроуфорд. Спор разыгрался нешуточный, если учесть «бараньи» характеры двух спорщиков да количество выпитого в баре – каждый опустошил как минимум полторы бутылки смирновской водки.

– Пойдем, – так же уверенно сразу отозвался второй.

Оба встали одновременно и, чуть пошатываясь, направились к выходу. Бармен проводил их взглядом до двери, а затем подозвал к стойке охранника. Он попросил его минут через пять выйти на улицу глянуть, до чего там dospорились его клиенты, и разнять, если что: столь респектабельное заведение совсем не нуждалось в дурной славе.

Вообще-то спор о красоте послужил просто предлогом. Очевидно, в таком состоянии Андрею и Сергею подошел бы любой повод: каждый бы гнул свою сторону, даже если бы до этого считал в точности до наоборот.

На улице было холодно, кончался октябрь, время подходило к часу ночи, но разгоряченные спором и выпивкой задиры вышли в своих дорогих кашемировых пальто нараспашку, так что были видны их кипенно-белые рубашки. Не теряя времени, они прошли в ближайшую арку, которыми изобилует проспект Кирова. Арка оказалась, мягко сказать, темноватой – они видели только рубашки друг друга, чуть поодаль виднелись два мусорных бака. На душе у обоих было тошно: Сергей недавно разругался со своей любимой, Андрея же преследовали крупные неприятности на работе. Короче, у обоих чесались кулаки, и, уж конечно, хотелось сразиться не с помощью собственных ногтей.

– Так что ты там сказал, – нагло заговорил Сергей, немного запнувшись и вспоминая, что же все-таки там говорил его противник.

В ответ тут же получил удар в челюсть – его бывший собутыльник не собирался растрачиваться на лишние разговоры и вспоминать, кто что сказал. Из-за плохой видимости удар оказался смазанным и не столь сильным, как он сам ожидал. Ошарашенный наглостью противника, Сергей разбежался и с лету боднул его головой в солнечное сплетение, добавляя ударами обеих рук слева и справа. Андрей же быстро перехватил инициативу, поймав Сергея за шею и толкнув его в сторону стены. По инерции тот влетел головой в стену и расшиб себе лоб. За пару минут драки ребята сильно запыхались и теперь стояли у разных стен арки, пытаясь побыстрее отдышаться. Андрей начал медленно наступать на своего противника и когда подошел на расстояние вытянутой руки, готовый продолжать разборку, прозвучало два выстрела. Андрей развернулся и, вглядываясь в темноту подворотни, свалился спиной Сергею на руки. Сергей сразу почувствовал, как его рубашка стала мокрой от растекшейся по ней теплой влаги.

Потрясенный увиденным, Сергей непонимающе смотрел на своего недавнего противника, лежавшего у него на руках.

Из темноты подворотни появился силуэт человека в плаще, на голове которого проглядывалось нечто вроде горнолыжных очков. Он приставил пистолет ко лбу Сергея, а с другой

руки сделал контрольный выстрел в область сердца Андрея. Андрей обмяк и свалился на грязный асфальт.

– На, держи, – киллер протянул протрезвавшему, но не начавшему лучше соображать Сергею пистолет, из которого только что произвел выстрел.

Он взял пистолет, испуганно глядя на темный силуэт убийцы и дрожа всем телом. Человек в плаще начал медленно отступать обратно в темноту, не сводя с Сергея своего пистолета.

– Беги, пока я такой добрый, – кинул напоследок человек в горнолыжных очках.

Сергей отбросил бездыханное тело Андрея в сторону и, восприняв слова убийцы как указание к действию, со всех ног кинулся в сторону проспекта, пытаясь как можно быстрее забежать за угол, тем самым не дав возможности киллеру убить и его как важного свидетеля.

* * *

Примерно через пять минут после ухода двух клиентов бара на улицу неохотно вышел охранник respectable заведения. Его обдал холодный октябрьский ветер, от которого он вздрогнул и скривил недовольное лицо. Охранник достал из пачки сигарету, прикурил и, оглядываясь по сторонам, пытался понять своими куриными мозгами, куда подевались клиенты, которых он ожидал увидеть непосредственно за дверью. Послышались выстрелы: сначала два, затем, чуть погодя, еще один. Некоторое время охранник попытался как-то связать между собой исчезновение клиентов и эти выстрелы.

Секунд через десять в его голове наконец выстроилась логическая цепочка возможных событий. Он подбежал к подворотне, до которой было не больше десяти метров, и начал усиленно вглядываться в темноту. Войти в арку охранник не решался, так как боялся за свою жизнь, да и ни одна резиновая дубинка пока еще против пистолета ни разу не помогала. Правда, он не сообразил, что убить его могли и не в арке, а на том самом месте, где он сейчас стоял. Неожиданно его сшиб с ног один из пропавших клиентов, одежда которого была вся в крови, в руке он держал пистолет. Упав вместе с охранником, перепачканный кровью, он немедленно вскочил и с нечеловеческой скоростью помчался в сторону проезжей части.

– Э-э, ты че, совсем, что ли? – потирая затылок после падения, обиженно произнес охранник и направился в арку. Но, не пройдя и трех шагов, наткнулся на тело второго клиента, лежавшее на земле. Охранник нагнулся, чтобы проверить пульс потерпевшего на сонной артерии, однако перед ним оказались ноги. Пошарив по телу, он наконец нашел шею лежащего – пульса не было. Выбежав из подворотни и глянув под уличным фонарем на свои руки, охранник резко остановился, испуганный видом крови на ладонях.

«Кровь!» – хоть о чем-то быстро догадался обладатель куриных мозгов, с детства не переносивший кровотокающие раны, но вскоре очнулся и побежал обратно в бар.

– Вован! Одного из тех, что вышли, замочили, второй свалил! Вызывай скорей ментов, может, еще поймают! – Только по окончании своей громкой речи охранник понял, что, наверное, сделал что-то не так.

Бармен с бешенством смотрел на болвана, возникшего на пороге. Клиенты начали мешкая расходиться. Кто-то не хотел встречаться с милицией; кто-то испугался, что и его могут «замочить», а кто-то решил полюбопытствовать и пойти посмотреть на настоящий, свежий труп. Скоро в баре никого не осталось, кроме разозленного бармена и болвана-охранника.

Дурная слава respectable заведению была обеспечена, впрочем, так же как и были обеспечены хлопоты бывшего охранника, связанные с поиском новой работы.

ГЛАВА 2

Я возвращалась со дня рождения тети Лизы. Как всегда на таких домашних посиделках, за разнообразными салатами и выпечками, а также пикантным домашним вином, никто не заметил, как быстро пролетело время. Конечно же, меня уговаривали остаться ночевать, но, думаю, со мной согласятся все – родной диван лучше чужой раскладушки. Мне удалось откреститься от ночевки у тети, нагло соврав о мужчине, который якобы должен прийти, если вообще уже не сидит у меня дома. Этот аргумент подействовал на тетю безотказно, и она поторопилась выпроводить меня навстречу моему придуманному счастью.

Несмотря на позднее время, домой идти не хотелось. Я каталась по ночному городу в размышлениях, остановят меня менты или нет и если не остановят, то чем тогда заняться. Все мои мысли были направлены лишь на то, чтобы как-то продолжить тетин день рождения, а главное – с кем. Ответа не было.

На пересечении Вольской и Немецкой улиц я остановилась у светофора.

«И за каким чертом в данное время суток здесь понадобился светофор? – полезла в голову всякая ерунда, которая лезет всегда, когда нечем заняться. – По проспекту ведь никто не ходит. Разве только вот какой-нибудь болван вроде этого в идиотской бело-красной рубашке и кашемировом пальто бежит. Тоже мне время нашел для пробежки – второй час ночи».

Когда же болван подбежал ближе, я разглядела, что это не бело-красная рубашка, а белая рубашка, заляпанная кровью, впрочем, как и пальто. Еще я разглядела, что в руке у него был пистолет.

Вино тети – однозначно – затормозило мою реакцию. И вместо того чтобы побыстрее уехать, я продолжала пялиться на человека с пистолетом. А человек даром времени не терял: он подбежал к моей «девятке», бесцеремонно уселся рядом со мной и крикнул на ухо:

– Быстрее, погнали!

Не дожидаясь зеленого сигнала светофора, я до упора вдавила педаль газа и с пробуксовкой погнала машину дальше по Вольской, уже не обращая внимания на светофоры других перекрестков.

«Ну, вот и доигралась! Достойное продолжение дня рождения тети Лизы», – корила я себя.

– Куда ехать-то? – вкрадчиво, чтобы не разозлить пассажира, спросила я.

– Не знаю, – потерянно ответил человек, заляпанный кровью с головы до ног.

Пистолет был направлен на меня. Своим тонким обонянием я почуяла, что из пистолета стреляли совсем недавно.

Мой пассажир достал из кармана брюк пачку «Парламента», прикурил от автозажигалки и, глубоко втянув в себя табачный дым, с облегчением обмяк в кресле.

– Я же просто хотел подраться, – бубнил он себе под нос, – я просто хотел набить кому-нибудь морду. И все. Мне больше ничего не было нужно. А тут вон что!.. И какого хрена я поперся в этот бар, рядом с домом мало, что ли... – Далее последовал долгий монолог матерных выражений, которые не хочу сейчас вспоминать.

– Так что с тобой случилось? – прервала я его монолог.

– Тебе-то что? – ответил вопросом на вопрос пассажир.

– Вообще-то я частный детектив. И вполне могу тебе помочь.

– Я даже не подозревал, что у нас в Тарасове есть частные детективы, да еще и бабы, – криво улыбнулся он, все еще не придя в себя и думая, что я шучу.

– Не бабы, а леди. И, по моим данным, конкурентов у меня в Тарасове нет.

– И сколько же ты берешь за свои услуги? – не унимался пассажир.

– Двести долларов в сутки плюс расходы.

Пассажир присвистнул.

– А ты как думал? Бесплатно можешь обратиться в милицию.

– Да, от милиции сейчас толку не много. Им лишь бы на кого дело повесить, а там – и трава не расти.

Он прикурил вторую сигарету.

– И ты возьмешься за мое дело, даже не зная его сути?

– Возьмусь.

– Это почему же?

– А ты мне нравишься, – с улыбкой ответила я.

Он мне действительно понравился. Такой крепкий, с грубыми, но на редкость приятными, честными и открытыми чертами лица, длинными черными волосами и потрясающими глазами темно-фиолетового цвета. Они меня просто завораживали своей глубиной и открытостью.

– Наверное, ты права, мне действительно нужна квалифицированная помощь, конечно, если это не шутка.

Чтобы у будущего клиента отпали все сомнения, я показала ему лицензию на право детективной деятельности.

– Ой, какая ты тут смешная! – развеселился пассажир.

В ответ я деланно улыбнулась. Вспомнила, как во время выдачи свидетельства потеряли мои фотокарточки. Срочно потребовались другие, а кроме этих, под рукой ничего не оказалось. Выглядела я на них ужасно. Обиженное выражение лица, припухлые губы, из-под волос торчит ухо и прически, можно сказать, никакой, да плюс ко всему фотограф умудрился схватить какой-то косой взгляд, которого у меня сроду не бывало. Короче, ни моих прекрасных зеленых глаз, ни пышных золотистых волос, ни всех других прелестей здесь видно не было.

– Загляни к себе в паспорт! – с обидой прервала я его смех, зная, что фотография на паспорте у каждого российского гражданина большое место. Я, видимо, попала в точку, так как он сразу прекратил смеяться.

– Итак, товарищ частный детектив, я ваш клиент, – торжественно произнес пассажир, отдавая мне обратно лицензию.

– Как тебя звать-то, клиент?

– Меня зовут Сергей, а тебя – Таня.

– Откуда... – Я остановилась на полуслове, поняв, что он прочел мое имя в лицензии. – А теперь, Сергей, мы поедem на мою конспиративную квартиру, где ты мне поведаешь о своих бедах, случившихся сегодня ночью. И убери пистолет, он действует мне на нервы.

Клиент не стал пререкаться и сунул пистолет в карман.

* * *

Мы проговорили до полпятого утра, выпив при этом по две бутылки «Балтики». Из всего услышанного я поняла, что его подставили, причем совершенно случайно. В эту ночь Сергею нужно было просто напиться, ну, может, еще подраться, про убийство он и подумать не мог. Но как бы то ни было, его подставили, хотя он и не знал убитого, а знал только имя – Андрей. Это говорило о том, что Андрея убили бы в любом случае, был бы там Сергей или нет.

Пистолет «ТТ» – профессиональный почерк московских киллеров. Вроде бы все просто: киллер подставил мужичка, только одно «но» не давало мне покоя – настоящие киллеры никогда никого не подставляют. Киллер работает так, чтобы все поняли – работал киллер. Нет, однозначно можно сказать: никакой это не наемник. Человек, убивший Андрея, скорее всего отсюда, из Тарасова, и искать его нужно здесь, чем я собственно завтра и займусь.

В голове все перемешалось, а пиво, разлившееся по телу, не давало ясно соображать.

Сергей сидел рядом со мной на диване, уставившись на меня и ожидая, что я скажу после затянувшейся паузы. А я уставилась на него. Сергей потянулся было ко мне, видимо, полагая, что мой взгляд дает ему какие-то шансы относительно свободы действий. Я увернулась от объятий и быстро прошла к журнальному столику, где лежала моя сумочка, – нужно было погадать. Гость удивленно следил за моими движениями, как я достала из замшевого мешочка три двенадцатигранника и бросила их на столик: 6+20+27 – «В вашем поведении необходима осмотрительность».

– Пора спать, – проговорила я.

– Это кости тебе сказали? – так ничего и не поняв, спросил Сергей.

– Эти кости неоднократно спасали мне жизнь. Я всегда стараюсь слушаться их советов, а когда не обращаю на них внимания, это нередко чревато для меня если не проблемами, то, как минимум, неприятностями.

– А все-таки, что же они тебе сказали? – не понимая, почему его отвергли, снова спросил Сергей.

– Они мне сказали, что сейчас не время для любви. Человека убили. Забыл?

Может, я была чересчур резка с ним, но на мужчин иногда действует только резкость, впрочем, как и сейчас. Сергей насупился и обиженно произнес:

– Спать так спать. Давай подушку с одеялом.

Я выдала ему то, что он просил, и вскоре мы разошлись в разные комнаты. На этот раз я послушалась совета магических костей, но вспомнить страшно, сколько раз я игнорировала их предупреждения и чудом оставалась жива.

ГЛАВА 3

Запищал будильник. Этот будильник имел два характерных свойства: во-первых, он очень противно пищал, как комар над ухом, но только очень громко – ни за что не проспишь; во-вторых, он пищал до тех пор, пока не встанешь и не выключишь его, а располагался он специально в другом конце комнаты. Вот почему, когда мне нужно было рано проснуться, проспать я никак не могла. Я вскочила, как ужаленная сотней комаров. Будильник показывал 7.30. Сергей спал так сладко, что мне стало жалко его будить. Я отправилась на место преступления, не забыв оставить своему гостю записку:

«Сергей, я отправилась расследовать твое дело. Скорее всего в течение дня зайти не смогу, приду ближе к вечеру, а может, и того позже. Из дома никуда не выходи – лишний раз светиться не стоит. Еды в холодильнике навалом, надеюсь, готовить ты умеешь. Таня».

* * *

Приехав на место преступления, я вдруг почувствовала ужасный голод – забыла поесть дома – и решила позавтракать в кафе напротив бара, неподалеку от которого произошло убийство. Там я заказала себе черный кофе с бутербродами, уселась у окна и стала с интересом наблюдать за суетившимися туда-сюда милиционерами. И вот из бара вышел знакомый мне человек, которого я никак не ожидала здесь увидеть. Не успев расправиться с бутербродами, я расплатилась и выскочила на улицу. Мой знакомый разговаривал с милиционером в форме, стоя ко мне лицом. Быстро заметив меня, он прервал беседу и с распростертыми объятиями двинулся мне навстречу, радостно прокричав:

– Танюха!

– Киря! – так же радостно закричала я.

Мы встретились и обнялись, как старые друзья, которые давно не виделись. Познакомились мы еще в юридическом институте, когда он учился на четвертом курсе, а я на первом. После того как он окончил институт, мы долгое время не виделись, потом встречались пару раз – мне нужны были кое-какие консультации. Тогда он работал капитаном в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, он раскрыл одно очень крупное дело, в котором были замешаны люди из ФСБ. После этого дела Кирсанов быстро поднялся по служебной лестнице до подполковника. С тех пор мы не виделись года полтора.

– Интересно, что здесь делает подполковник из наркоотдела? – с улыбкой обратилась я к Кирсанову.

– Увы, я теперь в убойке.

Это означало, что его перевели из отдела по незаконному обороту наркотиков в отдел по расследованию убийств.

– Сочувствую.

– Да-а, – он махнул рукой, – ничего страшного, все в норме. Ты-то какими судьбами здесь?

– Вот дельце одно под руку попало, решила взяться, вдруг быстрее вас раскрою, – с вызовом глянула я на подполковника, мило улыбаясь.

– Понятно.

– Слушай, Киря, – голод опять напомнил о себе, – целое утро не могу спокойно поесть. Выбирай, пошли либо в твой бар, либо в кафе. – Я показала в сторону кафе, из которого сама только что вышла.

– Пойдем в бар, в чем проблема. – И он, как джентльмен, отворил передо мной дверь бара.

Когда видишь еду и не успеваешь к ней притронуться, есть хочется все больше и больше, поэтому я снова заказала черный кофе и целую кучу бутербродов. Быстренько расправившись с едой и кофе, я с блаженным видом откинулась на спинку стула.

– Наелась? – спросил Кирия.

– Угу. – Я довольно мотнула головой.

– Теперь давай выкладывай, как тебя сюда занесло.

– Вообще-то я приехала сюда немного полазить по месту преступления, немного поспрашивать о происшествии, короче, мне нужно знать как можно больше, а потому давай-ка выкладывай про убийство все, что вы успели к этому времени раскопать. Я тебя внимательно слушаю.

– Рассказывать-то почти нечего, кроме того, что двое напились, поссорились и подрались. Во время драки один убивает другого и в ужасе от содеянного убегает. Единственное, что странно в этом деле, – это то, что выстрелы в спину произведены с трех метров, затем контрольный в сердце. Убийца никак не мог запачкаться. Охранник же утверждает, что вся рубашка убийцы была просто залита кровью. Но я уверен, мы сможем объяснить это позже, когда поймаем этого Сергея. Он нам все расскажет.

«Им лишь бы на кого-то дело повесить, а там – хоть трава не расти», – промелькнуло у меня в голове выражение Сергея, которым он поделился со мной в моей машине прошлой ночью.

– Откуда ты знаешь его имя?

– Бармен слышал их разговор. Это он послал охранника проверить, как там клиенты.

– Да, опоздал немного.

– Если бы охранник вышел на пару минут раньше, убийство можно было бы предотвратить.

– А ты уверен, что это убийство не случайность, что оно должно было произойти?

– Не знаю, может быть, но я еще об этом не думал. – Кирсанов на какое-то время задумался. – А знаешь, вполне может быть.

– Кстати, а где бармен? – резко перевела я разговор на другую тему.

– Бармен сейчас составляет словесный портрет преступника, предполагаемого убийцы.

– Значит, фамилию убийцы вы еще не установили?

– Еще нет, но, полагаю, самое позднее установят завтра, особенно – если он привлекался, да и отпечатков он успел много оставить.

– Значит, и имя убитого вы тоже не знаете?

– Мы знаем, что его зовут Андрей, и только.

– Спасибо большое, это все, что я хотела узнать.

– Больше все равно рассказывать нечего.

– Ну и ладно, хватит.

Мы встали и направились к выходу. И уже на пороге я снова спросила:

– Да, Владимир, можно попросить тебя об одном одолжении?

– Все, что в моих силах.

– Я бы хотела осмотреть место преступления.

– Нет ничего проще. – Он посмотрел на часы. – А мне пора возвращаться в отделение, меня ждет очередной день бумажной волокиты и бюрократической рутины. На места преступлений почти не выезжаю. Здесь оказался совсем случайно.

– Мне на счастье.

– Это точно. – Он улыбнулся.

– Еще одно, скажи, пожалуйста, своим ребятишкам, чтобы не препятствовали мне, а то я их знаю, взашей вытолкнут, а потом точно к подворотне не подберешься.

– Конечно, в чем проблема.

– Спасибо, – снова поблагодарила я его.

– Все, мне пора, – не стал далее слушать мои благодарственные речи Кирсанов.

Он подозвал к себе капитана, с минуту поговорил с ним, показав затем в мою сторону.

– Знакомься, капитан Шелудько, если будут какие вопросы, сразу обращай к нему. Смышленный парень, далеко пойдет. Единственное, через три часа мы отсюда уезжаем. Ну все, я побежал.

Мы поцеловали друг друга в щеки.

– Шелудько, оставляю Татьяну на ваше попечение.

Шелудько и Кирсанов отдали друг другу честь, и Владимир быстрым уверенным шагом зашагал прочь.

Итак, милиция ничего не знает о третьем и даже не предполагает о его существовании. В этом были свои плюсы, но и минусов было предостаточно.

Шелудько стоял рядом и, переминаясь с ноги на ногу, широко улыбнулся, когда я повернулась к нему. И, надо же, хохлятская фамилия у человека, который один к одному похож на Жан-Поля Бельмондо в молодости. Бывает же такое!

– Ну, капитан, води меня на место преступления и рассказывай, что видел, – прикинувшись, будто ничего не знаю, объявила я.

После моих слов Шелудько заулыбался еще шире и без лишних разговоров повел меня под своды арки, до которой от входа в бар было не больше десяти метров.

ГЛАВА 4

Место преступления, а именно арка в стареньком двухэтажном домике, выглядело именно так, как рассказывал Сергей. Метров пять в длину и два с половиной в высоту, арка вся пропахла хозяйственными отходами из мусорных баков, стоявших поодаль, и испражнениями различных пьяных мужей, да и дам, наверное, проходящих мимо нее в темное время суток. Недалеко от входа все еще стояла большая лужа крови, скорее всего именно здесь и обнаружили труп.

Другое кровавое пятно виднелось на левой стене арки – там Сергею разбил голову убитый. Около большой лужи крови была найдена гильза – это место обвели белым контуром. Чтобы найти оставшиеся две гильзы, далеко ходить было не нужно: их я заметила у мусорных баков.

Итак, киллер прятался за этими баками, несмотря на смрад, исходящий из них. Он, видимо, был уверен, что Андрей пройдет мимо арки, и хотел убить, не будучи видным из темноты. А тут под руку подвернулся Сергей. Сергей убийца – и все тут, про киллера забыли, а если Сергей и напомним, ему все равно никто не поверит. Очень выгодный расклад, не в пользу моего клиента.

– Свидетели есть? – обратилась я к Шелудько, стоявшему у входа в арку.

– Есть.

– Что говорят?

– Говорят, что минут через десять после выстрелов решились выйти посмотреть, что к чему.

– И все?

– Да, – заулыбался капитан.

– Это что, у тебя шутки такие? Свидетель – это тот, кто что-то видел и своим присутствием засвидетельствовал что-то или кого-то, при этом он может помочь раскрытию преступления, – разозлилась я. – А в нашем случае это люди, которых разбудили выстрелы. Понял?

– Понял, – пробубнил в ответ Шелудько.

– Спасибо за содействие, – улыбнулась я, давая понять, что дальше справлюсь сама.

Он развернулся и, шаркая каблуками сапог по асфальту, побрел к своим сослуживцам в бар.

Я же решительно направилась во внутренние дворы, чтобы самой как следует расспросить местных жителей о происшедшем.

Из-за угла мне навстречу вышел только что, по-видимому, опохмелившийся мужичок лет шестидесяти с топориком в руках. Из одежды на нем была тельняшка, семейные, необъятных размеров трусы и резиновые сапоги на босу ногу. Да и еще очень колоритная часть гардероба – дерматиновая кепка-ушанка, видимо, погрызенная недавно собакой или какой-то другой живностью. Мужичок встал в позу, как инопланетянин из фильма «Хищник», и громко просипел пропитым голосом:

– А-га, шпиен! Щас я тебя!.. – Он замахнулся, чтобы метнуть в меня топорик.

Я встала в боевую позу каратиста, готовясь отразить нападение.

Оттуда же, из-за угла, выскочила бабулька и с кулаками полезла на мужичка, пытаясь выхватить у него топор.

– Уйди, старая, не мешай, – пытался он оттолкнуть от себя бабу.

Бабулька же не собиралась сдаваться. Она отскочила обратно за угол, там что-то звякнуло. Выпрыгнула бабка через мгновение уже с чугунной сковородкой в руке. Умело орудуя тяжелым предметом, бабка резко нанесла сокрушающий удар по лбу своего противника. Мужичок упал без сознания.

Женщина повернулась ко мне и, тяжело вздохнув после битвы, заговорила.

– Вы уж простите его, – она кинула взгляд на дедка, стонавшего на земле, – он как пере-
пьет с вечера, так наутро ему одни шпиены и видятся. Со своими-то он тихий, а вот на чужих
кидается. Еле удержала, когда милиция приходила. Вот бы они его отделили!

– Да, они умеют, – с умным видом отозвалась я.

– А ты что, дочка, хотела? – по-доброму, как будто мы всю жизнь прожили в одной
деревне, спросила меня женщина.

– Да вот, сейчас практику прохожу в милиции. Уж очень хочется показать себя в работе.

– Работа – это хорошо, – одобрительно покачала головой бабка.

– Пришла поспрашивать, может, что видели ночью, может, кто незнакомый проходил?

– Дочка, мы же спать в одиннадцать легли. А потом бабах-бабах, всем двором и повска-
кивали. Там мужик мертвый валяется. Вот и все.

Шелудько, наверно, именно эту бабку и опрашивал, решив не ходить дальше. Я же про-
должила свои странствия в поисках свидетелей.

– А днем, днем никого чужого не видели?

– Так я же работаю днем-то. В больнице, да. Как в шесть утра ухожу, и аж в семь-восемь
возвращаюсь. Где уж мне кого увидеть!

– А что же вы сегодня дома?

– Так отгул же взяла, чтоб три дня отдохнуть. Пятница, суббота и воскресенье, во как.

– Понятно.

– Да ты че меня-то расспрашиваешь? Иди Витьку с Васькой спроси. Они целый день
здесь. Если что было, то они точно видели. Иди вон туда. – Она указала мне путь, который
закончился за вторым поворотом.

Я бы ни за что не подумала, что дальше этого двора вообще можно куда-то пройти, однако
ошиблась – проход был, но, видимо, только для знающих людей, а именно для коренных жите-
лей этих подворотен.

За поворотом передо мной возникла занимательная картина. Посреди маленького дво-
рика стоял огромный выкорчеванный пенёк, поверхность которого служила столом, а рядом
пять маленьких пней, вместо стульев. На двух пеньках сидели два здоровенных, полных
мужика с трехдневной щетиной на лицах, в потрепанных, но добротно сшитых дорогах кожа-
ных куртках коричневого и черного цветов. На пне-столе стояли три бутылки водки и три гра-
ненных стакана. Мужики молча гипнотизировали водку, изредка сглатывая слюни. К данной
картине не хватало лишь третьего собутыльника. Я подошла к импровизированному столу и,
не зная, как к ним обратиться, встала рядом с одним из табуретов. Они, не видя меня, продол-
жали глазеть на заветные бутылки.

– Гм-м, извините, вы случайно не знаете, где я могу найти Виталия и Василия.

Мужики разом повернулись в мою сторону. Тот, что был в коричневой куртке, еле
слышно прошептал:

– Садись. – Он указал на ближайший ко мне пенёк, и я села на краешек.

Заговорил второй, более громко:

– Я – Витек, он – Васек. – Витек вопросительно посмотрел на меня.

– Я – Таня.

Витек одобрительно мотнул головой и потянулся к бутылке. Молча раскупорил ее, разлил
водку по стаканам так, чтобы на всех оказалось поровну. Бутылка полетела в сторону. Ко мне
пододвинули третий стакан. Это означало, что почетное звание «третьего» досталось мне.

– За знакомство, – произнес великий русский тост Васек.

Отказываться было неприлично, и я чокнулась с ними, хотя водку в тот момент, когда они
пили, я вылила на землю. Как только стаканы вернулись на стол, в ход пошла вторая бутылка.

Я повторила свой маневр, Витек и Васек – тоже: до дна. Витек встал из-за стола, поднялся по лестнице на второй этаж и уже оттуда крикнул через спину, открывая дверь:

– Васек, че жрать-то будем?

– Мясо, – чуть погодя ответил Васек.

Витек исчез в дверном проеме.

– Че хотела-то? – после долгого оценивающего взгляда бросил Васек.

– Видели тут кого-нибудь чужого в последние пару дней?

– Нет вроде бы.

– А что насчет вчерашнего убийства знаете?

– Да два чувака по пьянке подрались, один другого и завалил.

Слухи здесь, как в деревне, распространялись с молниеносной скоростью.

– Точно не видели никого чужого?

– Два дня назад точно и позавчера точно, а вчера не знаю, может, и был кто.

– Это почему ты не знаешь?

– Перекушал я водочки-то. Думал, свой рекорд перебью, ан нет, не вышло.

– И какой же твой рекорд? – заинтересовалась я.

– Коли шесть с половиной бутылок, – гордо объявил рекордсмен, – я еще умею соображать, ходить и прыгать на месте. А уж сверх того еще один стакан выпить – ниче не помню, хоть убей, а говорят, бывает, буйным становлюсь, тогда и зашибить могу, но ты не бойся, до этого еще пить да пить.

– Успокоил.

– Ну так.

– Витек мог что-нибудь вчера видеть? Или он тоже свой рекорд перебил?

– Нет, ты Витька не обижай, у него рекорд намного больше. Потому я всегда с ним пью, знаю, что есть кому до дома дотащить. Когда я отключаюсь, он пить сразу прекращает и за мной следит: вдруг что натворю.

– Прямо система действий какая-то!

– Ну, так.

– Витек вернется?

– Да, сейчас мясо пожарит и выйдет.

Воистину прав был немец, сказавший: «Если ты не умер во время попойки с русскими, мне тебя жаль, впереди похмелье». Если бы тот немец сел пить с этими рекордсменами, он умер бы через два часа, а то и раньше.

Пока Витек жарил мясо, мы с Васьком уговорили третью бутылку водки – для меня она была первой. Меня радовало одно: мне не нужно быть свидетелем достижения мировых рекордов по количеству выпитых алкогольсодержащих жидкостей. Моя радость ушла, как только Васек показал мне секрет этого стола-пня: в нем оказалась потайная дверца, а внутри находилось не менее сорока бутылок водки. Мне чуть не стало дурно. После еще одного стакана Васек стал веселым и разговорчивым.

Оказывается, тот дед, что набросился на меня с топором, вчера пил с этими рекордсменами, но дозы он своей не знал и в одиннадцать уснул. Ребята же продолжали совершенствование навыков и умения по употреблению огненной воды. Васек отключился в полпервого ночи, чем дальше занимался Витек, он не знает.

Мы допили с ним еще одну бутылку, он стал еще более разговорчивым и рассказал, что делают два человека в куртках от Версаче в такой дыре. Они с Витьком очень сильно разозлили одного местного криминального авторитета, облапошив его в одной сделке на четыреста тысяч долларов, слава богу, не меченых. Из города улизнуть под шумок не успели, и их уже почти поймали, но на проспекте они свернули в эту спасительную арку, и преследователи отстали. Витек с Васьком приняли это за знамение божие и решили отсидеться здесь, чем и занимаются

уже третью неделю, снимая квартиру у местной жительницы, уехавшей к себе в деревню на время, пока Витек и Васек живут в ее доме.

Мы продолжали болтать, потягивая, кстати сказать, очень дорогую водку, которая пилаась прямо как вода.

Скоро из дверного проема появился Витек с огромным блюдом, заваленным жареным мясом, вареной картошкой и солеными огурцами.

– А-а, Витек, мы тебя заждались! – радостно воскликнул Васек, поглаживая живот.

Я начала хмелеть и чувствовала, что мне тоже не мешало бы подкрепиться. От запаха мяса у меня потекли слюнки. Витек в кулинарном деле был не новичок – мясо просто таяло во рту. Под закуску ушло еще две бутылки, однако главным образом без моей помощи: свою дозу я тоже знала.

– Витек, расскажи Танюхе, что случилось после моей отключки.

– Ну, – он нахмурился, пытаясь вспомнить прошлую ночь, – да! Когда ты отключился, я подумал-подумал, а ты знаешь, когда я думаю, мне становится грустно, а когда мне становится грустно, я решаюсь перебить свой рекорд.

– У-у-у, – с набитым ртом подтвердил Васек.

– Вот-вот.

– Что это значит? – не поняла я.

– Когда он перебивает свою дозу, ему срочно требуется набить кому-то морду. И пока он это не сделает, он никак не успокоится.

– Набил? – снова спросила я.

– Не знаю, – замялся Витек, – после дозы я ничего не помню, но, наверно, набил.

– Соседу, что ли?

В ответ он пожал плечами.

– Ребята, вы не знакомы случайно с таким человеком, который знает все, что происходит в этих закоулках?

– Знакомы! – хором ответили Васек и Витек.

– И кто это?

– Это Е. Д., – произнес шепотом Васек.

– Кто-кто?

– Е. Д., – так же шепотом повторил Витек.

– А почему шепотом?

– Потому что она все всегда слышит.

– Да кто, черт вас побери? – не выдержала я.

– Щас. – Витек стал лазить по внутренним карманам своей необъятной куртки. – Щас-щас. – Он выудил из одного из карманов клочок потертой бумажки и протянул его мне. – Во!

– Емарфилика Дормидонтовна, – прочитала я вслух и удивленно посмотрела на Витька.

– Это ведьма, – пояснил Витек.

– Что?

– Ведьма! – в два голоса выкрикнули друзья.

– Мне кажется, что ваши эксперименты по установлению рекордов до добра вас не доведут. У вас явно проявление первой стадии белой горячки.

– Нет-нет-нет! – запротестовал Васек. – Мы на полном серьезе. Она ведьма!

– И с чего вы это взяли?

– Ей сто лет.

– Почетный долгожитель, – начала опровергать я их доводы.

– Она выглядит как ведьма.

– Трудная жизнь, маленькая пенсия, недоедание и так далее.

– У нее костяная нога.

– Несчастный случай на производстве или пехотная мина во время войны.
– Она самая первая появляется на улице с утра и последняя уходит ночью.
– Бабка гулять любит, дышать свежим воздухом...
– Она не ест.
– Тренировки йоги могут довести человека до отказа от земной пищи и восприятия только духовной.

– Это ты ее просто не видела, – начал Васек.
– Да, да, а как увидишь, все поймешь, – закончил за него Витек.
– То есть эта Е.Д. должна знать, были ли здесь чужие?
– Уж кто-кто, а она-то знает. Можешь не сомневаться, если здесь кто был, она его обязательно видела.

– Мне нужно с ней встретиться.
– Давай еще разок за знакомство и пойдешь уже к Е. Д., – предложил Витек и взялся разливать водку по стаканам.

Тут я заметила, что его правая рука была довольно сильно изранена, в ранах поблескивали мелкие осколки тонкого стекла. Я схватила его руку, пытаюсь разглядеть осколки.

– Где это ты так?
– Вот, после отключки какая фигня случается.
– Значит, ты все-таки набил кому-то морду, – сделала я вывод.
– Выходит, что так.
– И, конечно, не помнишь кому?
– Увы. – Он скривил морду.
– Ну, может, помнишь хоть где?
– Я могу тебе одно точно сказать: даже в отключке мы за пределы этого двора не выходим. Это как программа, направленная на сохранение жизни. Понимаешь?

– Понимаю.

В голове начали появляться мысли, которые могла подтвердить или оправдать только местная ведьма Е. Д.

– Во дворе носит кто-нибудь очки?
– Генка носит.
– Где он?
– Да вот он тащится похмелиться.

К нам шел мужчина лет тридцати в сланцах, трико и фуфайке на голое тело. На голове прическа а-ля взрыв на макаронной фабрике и очки, наверное, на минус пять или больше.

Он молча подошел к столу, налил полстакана водки и залпом выпил все до дна, затем с силой поставил стакан на место, запихнул в рот целую картофелину и стал молча, усердно ее пережевывать.

– Ген, я тебе морду ночью бил? – спросил Витек.
– Нет. – Куски непережеванной картошки посыпались изо рта на стол.
Гена налил еще полстакана, снова выпил и закусил картошкой.
– Вась, дай полтинник.
– На кой тебе, водки ж навалом.
– Я к бабе в гости.
– Это дело. – Васек достал из стола две бутылки водки и вместе с деньгами отдал их Генке. – Иди, Гена, развлекайся.

– Спасибо, мужики. – У него на глазах блеснули слезы.
– Ген, да ты че, в натуре, все ж свои, прекращай это дело!
– Спасибо. – Он кивнул, еще немного постоял и пошел обратно. Не могу сказать точно куда – куда-то в район лестницы, по которой поднимался к себе Витек.

- Надо идти к Е. Д., – объявила я.
- Ну, для храбрости и за удачный разговор с ведьмой.
- Давай, – одобрил его Васек.

Мы выпили, и я направилась к загадочной Е. Д. Ребята не пошли меня провожать, сославшись на боязнь оказаться заколдованными, а только объяснили, как пройти к нужной мне достопримечательности их двора. Просили вернуться, если останусь жива. Я же не стала им ничего обещать.

* * *

Удивительная все же наша великая и могучая. Проспект сияет своим великолепием, дорогими магазинами и ресторанами, а рядом, буквально в нескольких метрах, с этой роскошью уживается деревенская простота, алкоголики-пропойцы, бред сумасшедших с топорами, ведьмы и всеобщее разочарование жизнью, как своей, так и жизнью окружающих. Единственным человеком, которому было не наплевать на остальных в этом дворе, была та самая Емарфилика Дормидонтовна – старожила этой трущобы. Имя-отчество у нее какое-то странное, некий симбиоз греческой и древнерусской культуры.

Я увидела бабку издали и сразу поняла: ребята были правы – это ведьма, другого впечатления она не производила. Емарфилика Дормидонтовна сидела на скамеечке рядом с крыльцом дома. У нее действительно вместо правой ноги был протез и лицо точь-в-точь как у бабы-яги из старых советских фильмов. Она положила подбородок на свою клюку и с интересом разглядывала меня. Я подошла к бабке и поздоровалась:

- Здравствуйте, Емарфилика Дормидонтовна.
- Бабка никак не отреагировала.
- Здравствуйте, Емарфилика Дормидонтовна! – громко повторила я.
- Опять – ничего. Тогда я тронула ее за плечо, и она повернула голову в мою сторону.
- Добрый день! – почти крикнула я.
- Ась? – выкрикнула в ответ бабка.
- Вы меня слышите?
- Ась?
- Я подобралась к ней поближе и крикнула ей в самое ухо:
- Видели кого незнакомых?
- Ась?
- *Чужие вчера были? – прямо в ухо бабке заорала я.*
- Чаво хошь-то?

Понятно, бестолковое занятие, бабка совсем оглохла на старости лет. Опрос свидетелей провалился: тут вчера все были пьяны – старинный русский обычай – не отказываться от халявы в любом ее проявлении. А единственный человек, который был трезв и скорее всего все видел, глух на оба уха. Продолжать с бабой биться было бесполезно, и потому я решила поискать кого-нибудь еще, кто был вчера трезв. И тут же за моей спиной послышался бабкин голос:

- Да пошутила я, подь сюды.
- Я обернулась – бабка скалила свои гнилые зубы, при этом чуть слышно хихикая.
- Садись. – Она предложила мне место на лавочке рядом с собой. Я села.
- Здравствуйте.
- Здоровались уже. Чаво хошь-то? – снова повторила она свой вопрос.
- Мне нужно знать, видели ли вы кого-нибудь незнакомого во дворе вчера днем?
- Видала, чаво ж врать-то, был тут один.
- Как он выглядел?
- А ты откудова?

– Я студентка, прохожу практику в милиции... – начала я нагло лгать, но бабка меня перебила.

– Стульник.

– Что?

– Давай стульник за вранье.

Интересно, как она меня раскусила? Я достала из сумочки деньги, которые были приняты трясущейся от старости рукой и засунуты под фуфайку.

– Так откуда ты?

– Я частный детектив.

– Чаво? – удивилась бабка.

– Сыщик, – пояснила я.

– А-а!

– Так как он выглядел?

– Кто?

– Ну, тот незнакомец.

– А, тот. – Бабка немного помолчала и снова перевела разговор в другое русло. – Хорошо, что ль, сыщикам-то платят?

– Хорошо.

– А сколь?

– Двести долларов в день.

– Не поняла. – Бабка не разбиралась ни в долларах, ни в марках, а тем более в их курсах по отношению к рублю.

– Пять тысяч в день, – перевела я в рублях.

– Ого! – ошарашило бабку мое сообщение.

– Так как выглядел незнакомец, появившийся здесь вчера? – третий раз задала я тот же вопрос, пытаюсь получить на него ответ.

Бабка снова проигнорировала его, заговорив совсем о другом:

– Ты пять тыщ в день получаешь, а я тут перед тобой запросто так распинаюсь. Не-е-е, дочка, так дела не делают.

Старая ведьма решила выудить из меня деньги явно в размере не одного столбика.

– Сколько вы хотите? – поняв, что без денег Емарфилика Дормидонтовна рассказывать ничего не будет, спросила я.

– Три стульника! – воскликнула бабка.

– А не многовато ли?

– Самый раз.

– Хм. – Я не знала, что делать, ведь, забрав деньги, бабка могла сказать, что не помнит того человека, если он, кстати, вообще здесь был.

– Чаво задумалась? Давай деньги, не пожалеешь. Много чаво видала вчера, очень помогу. Через два дня гада сыщешь. Точно говорю.

Говорит, как цыганка на базаре: «Позолотите ручку, все расскажу, все о себе узнаешь». Нужно было кинуть кости, они-то меня никогда не подводили. Я достала из сумки кости и, немного отодвинувшись от бабки, кинула их на скамейку. Емарфилика Дормидонтовна с улыбкой смотрела на меня, видимо, думая, какая же я идиотка, что перед тем, как отдать деньги, кидаю кубики и зачем-то разглядываю их.

21+33+11 – «Вы настроены на «хорошую волну». Близится несколько неожиданных и очень выгодных для вас событий, но далее будьте предельно внимательны».

– Дочка, ты чаво делаешь-то?

В ответ я достала три сотенные купюры. У бабки округлились глаза, и она тут же забыла про свой вопрос. Выхватив у меня из рук деньги, она завернула их в грязный сопливый платок и сунула под фуфайку.

– Так как выглядел человек, который появился здесь вчера днем? – Мне уже надоело задавать этот вопрос.

– Да-да, это ты точно говоришь, днем.

– Ну! – прикрикнула я на бабу, чтобы она снова не начала разговор о высоких заработках детективов.

– Вот. Часа в четыре дня пришел. Зашел через арку и говорит: «Как пройти дворами на Вольскую?» Проспекта ему мало. А я ему: «Плати – узнаешь». Он заплатил, сколько я сказала, и в ответ объяснила, как пройти на Вольскую.

Оказывается, бабушка умела говорить без этого дурацкого деревенского акцента.

– А выглядел-то он как?

– Такой высокий, в кожаном пальто. На голове кепка серая. Красивый такой, а глазенки-то так и бегают, так и бегают в разные стороны. Боялся чего-то, сразу видно.

– И это все? – удивилась я.

– Да, вижу-то я плохо, в тумане все будто. Ты дальше слушай.

– Ну-ну.

– Он же еще раз приходил, только со стороны дворов, куда в первый раз ушел.

– Во сколько?

– Ой, поздно, девица, поздно. Полпервого ночи, наверное. Да-да, точно, тогда еще Витька или Вася отключился. Темно было, не разглядела.

– Вася, он быстрее отключается.

– Да-да, Вася, как же это я забыла? Так вот, этот мужик мимо них проскочил и пропал в подворотне, ведущей к арке.

– Очень интересно! А почему вы считаете, что это был тот самый человек, который приходил в четыре?

– Он одет был точно так же, только очки зачем-то нацепил. И как это он в них не расшибся, прямо не знаю, темень-то какая была...

– Это мог быть кто-то другой, в такой же одежде.

– Я понимаю, если кто-то наденет такую же одежду, но чтобы этот кто-то надел такие же идиотские ботинки, все пряжками увешанные... Не думаю.

Бабушка мыслила, как настоящий детектив, логически и беспристрастно.

– Он ушел в арку и больше не возвращался?

– Ну как же не возвращался? Возвращался! Сразу после выстрелов обратно пошлендрал. Да только не повезло ему сильно.

– Что ж так?

– А у нас тут кто Витьку в отключке под руку попадает, всем не везет. Некоторых и узнать-то потом нельзя, так отмутузят.

– И Витек этого мужика отмутузил?

– Еще как! Видеть надо было.

– Звон был?

– Был, родная, был. У него на башке очки такие здоровенные... Так вот Витек ему все эти очки и раздолбал, а как с очками закончил, за лицо да за почки принялся. Не знаю, как тот от Витьки убежать-то смог, по чистой случайности, наверно. Не убежал бы, так тут без сознания и валялся бы до сих пор.

– Он убежал?

– На корячках уполз.

– Куда?

- На Вольскую свою, куда ж ему еще ползти-то.
- А очки свои он с собой забрал или нет?
- Забыл он их тут, не до очков мужичку-то было, зубы свои спасал да ребра.
- Можно мне на них взглянуть? – с интересом оживилась я.

Бабка заметила мой интерес к очкам чужака и поняла, что к пенсии можно получить еще одну приличную добавку.

- Покупай, дочка, мне-то они ни к чему. Покупай.
- Сколько?
- Три стульника.

Я в раздумье хмыкнула.

– Да, три. Вещь, сразу видно, дорогая, сделана добротно, стоит, видать, подороже, но так как сломана, уступаю по дешевке.

- Хорошая дешевка!
- Не нравится, не бери.

Но нравилось мне или нет, разбитые Витьком очки киллера, которые скорее всего были прибором ночного видения, нужны были мне позарез.

Я отсчитала деньги и отдала их хитрой старухе. Деньги были спрятаны все в тот же грязный платок и засунуты под фуфайку.

Бабка встала и, прихрамывая на клюку, медленно пошла в сторону аккуратно сложенных дров, приготовленных на зиму. Я поплелась следом за ней. Дойдя до дров, Емарфилика Дормидонтовна разгребла клюкой завал пустых водочных бутылок, под которыми оказался до неузнаваемости развороченный Витьком прибор ночного видения. Добротно сделанная вещь представляла собой жалкое зрелище. Прибор был весь погнут, рядом валялись разбитые окуляры. Я достала пакет, надела перчатку и собрала все до последнего осколка в надежде позже найти отпечатки пальцев киллера.

- Милиции вы что-нибудь рассказывали? – вдруг вспомнила я.

– Да бедные они, что им расскажешь? Что может знать глухая, слепая старуха? – Она изобразила подобие улыбки, возможное в ее возрасте. – Вот с такими, как ты, и поболтать приятно, а они что!.. – Она махнула рукой и захромала обратно к лавочке, а дойдя до нее, уселась на прежнее место.

- Спасибо вам, Емарфилика Дормидонтовна.
- Тябе, дочка, спасибо. – У старухи снова появился деревенский акцент.
- Прощайте.
- Пакеда, заходи, коли что.
- Если милиция придет, вы уж о находке-то, пожалуйста, не рассказывайте.
- Чаво? Не слышу! – выкрикнула старуха, давая понять, что перед милицией она будет глухой, слепой, ничего не соображающей старушенцией, с которой и разговаривать-то не о чем.
- Прощайте, – опять повторила я.
- Ась?

Вот хитрющая старушенция! За такие шуточки я бы обязательно мысленно обругала своего собеседника, конечно, если передо мной был бы кто-нибудь другой, а не Е.Д., которая в свои годы не утратила чувства юмора и жизнерадостности.

Я отправилась на Вольскую, петляя в закоулках городских трущоб и пытаюсь повторить путь киллера, по которому он скорее всего и ушел после убийства.

До Вольской я добралась минут за пять-семь. Этот путь оказался единственным: по-другому на нее пройти дворами не представлялось возможным. Я вышла на нужную мне улицу через арку, вдоль тротуара стояло множество машин. Скорее всего и преступник припарковал свою машину здесь задолго до убийства, чтобы непосредственно перед ним не выискивать места для стоянки, которое долго не пустовало: что и говорить – центральный район!

ГЛАВА 5

Я не новичок в своем деле и часто прибегаю к не очень законным методам раскрытия преступлений, таким как «жучки», маячки, локаторы и многое другое, чем запрещено пользоваться по закону без определенных санкций. Многие считают, что всю эту шпионскую аппаратуру ужасно трудно достать. Хочу опровергнуть это распространенное суждение: если захочешь, можно достать все, что угодно. Главное, нужно знать определенных людей, которые тусуются в контрабандистских кругах. А зная этих людей, вполне можно себе позволить завести постоянных поставщиков, готовых достать все, что вам заблагорассудится, конечно, в разумных пределах.

Моим поставщиком был дядя Степа, прозванный так за его огромный рост. Ему было около пятидесяти. Раньше он работал на одном из секретных ленинградских НИИ. После развала Союза НИИ закрылся, а дядя Степа ударился в коммерцию все по той же линии – по секретным разработкам. Ему очень помогали его связи, оставшиеся с тех пор, когда он был начальником целого отдела, занимающегося электронным оборудованием. Все шло хорошо, пока дядя Степа не решил разбогатеть, да не постепенно, а разом. Он ввязался в какую-то историю с плутоном. История кончилась тем, что всех ее участников арестовали, ушел лишь дядя Степа. Недовольная исходом сделки местная преступная группировка обвинила во всех своих несчастьях дядю Степу и, не найдя другого козла отпущения, решила отыгаться именно на неудачливом коммерсанте.

Вскоре дядя Степа понял, что единственным способом остаться в живых был побег из Питера. По своим каналам дядя Степа выбрался-таки из города и рванул в Москву. Там, приобретя новые документы и подправив внешность, переправился к нам в глушь, в Тарасов, где вот уже три года успешно торгует оружием и другими сопутствующими товарами.

Все новые клиенты тщательно проверяются, всех старых он знает в лицо. Я у него в клиентах уже года полтора, и не проходило месяца, чтобы мне что-нибудь не понадобилось из его запасов.

Однако на этот раз от дяди Степы мне требовалась лишь консультация по поводу прибора ночного видения, точнее поставщиков этих приборов. Если прибор, лежащий в моей сумке, был куплен в Тарасове, а не привезен из другого города, то людей, причастных к этому делу, можно было довольно быстро разыскать путем опознания их продавцами оружия.

Дядя Степа жил на окраине нашего города, в неприметной пятиэтажке, затерявшейся среди множества таких же домов.

Я остановилась у его подъезда, и машина неожиданно заглохла. Я попробовала завести ее, но вместо того, чтобы, как обычно, тихо заурчать, она пару раз дернулась и снова заглохла. Я снова повернула ключ зажигания, в ответ машину снова дернуло. Возвращаться домой придется на попутке, а потом обратно сюда за машиной. Я ударила ладонями по рулю и с новыми силами направилась к своему оружейнику в надежде, что он лучше меня разбирается в машинах и сможет починить мою, избавив меня тем самым от множества хлопот.

Что я ненавижу в пятиэтажках, так это то, что в них нет лифта. Еще терпимо, когда человек живет на втором или третьем этаже, но когда приходится подниматься на последний... Ух, зла не хватает!

Уже когда я оказалась между вторым и третьим этажами, меня сбил с ног какой-то мужчина: он на всех парах мчался с верхнего этажа, да так быстро, что не успел вовремя затормозить. С третьей ступеньки лестничного пролета я полетела на площадку, больно ударившись спиной и затылком.

Я приготовилась высказать хаму все, что я о нем думаю, и уже было открыла рот, но замолчала, увидев его обвешанные разными бляхами огромные ботинки, быстро удаляющиеся от меня вниз по лестнице.

«Киллер!» – промелькнуло у меня в голове сразу после того, как я вспомнила описание этих сапог. О них-то и рассказывала мне Емарфилика Дормидонтовна, а также о серой кепке и кожаном плаще, именно то, что я сейчас и увидела.

Я вскочила и помчалась за ним. Однако погоня не удалась – при падении я сломала каблук своего левого сапога и при попытке быстро спуститься по лестнице снова чуть было не упала.

С горем пополам выбравшись на улицу, я с огорчением посмотрела вслед киллеру, только что остановившему «ВАЗ-2106». Напоследок мужчина бросил взгляд в мою сторону и, как-то странно, не по-человечески улынувшись, запрыгнул в машину. «Шестерка» скрылась за поворотом, а я осталась на месте – погони не вышло из-за того, что у меня сломалась машина. С досады я ударила по двери подъезда испорченным сапогом, при этом чуть не упав снова.

Потом я опять вернулась к своей «девятке», села на переднее пассажирское место и попыталась как-то прикрепить к сапогу оторванный каблук. Пока я этим занималась, в голову лезли разные вопросы, на которые у меня не было ответов. Например, почему киллер так торопился убраться из дома дяди Степы? И почему «шестерка», на которой от меня скрылся предполагаемый убийца, была без номеров? На вопрос номер два ответа мне не получить, наверное, уже никогда, а вот на первый ответ можно получить непосредственно у дяди Степы: пускай рассказывает, что у него делал убийца добропорядочных граждан.

Каблук приделать мне так и не удалось, и я медленно захромала в сторону подъезда, взяв из машины газовый шестизарядный пистолет – так, на всякий случай, мало ли что может произойти.

* * *

Дверь в квартиру дяди Степы была приоткрыта. Соблюдая правила приличия, я решила сначала позвонить, но к двери никто не подошел. Я прошла внутрь.

– Дядя Степа, – негромко позвала я.

В ответ – тишина. Неожиданно подул ветер, и дверь от сквозняка открылась нараспашку.

Дядя Степа жил в неплохой четырехкомнатной квартире со всеми удобствами: одна отдельная комната и три смежных. Из коридора также можно было попасть на кухню и в уборную.

Я проверила кухню, туалет и ванную – там никого не было. Затем прошла в спальню – опять никого. В гостиной – та же картина. Сделав несколько шагов, я увидела, что из третьей комнаты мне под ноги летит граната. Сознание тут же включилось на усиленное восприятие реальности, за сотую долю секунды перед глазами промелькнула Емарфилика Дормидонтовна со своей костяной ногой, затем я, с таким же протезом. Нет, я не была готова к этому!

До спасительного дверного проема было метра два; через метр, по правую сторону, находился еще один дверной проем, ведущий в спальню. Там-то мне и следовало укрыться от взрыва, конечно, если успею туда добраться. Двух секунд вполне должно было хватить.

Так далеко я еще ни разу в жизни не прыгала. Приземлившись даже дальше, чем нужно, я не растерялась: сделав шаг обратно, влетела в заветную комнату, резко закрыла за собой дверь и, в мгновение ока преодолев расстояние, очутилась в другом конце комнаты, спрятавшись за кроватью. Сразу после этого прогремел взрыв. Взрывной волной в спальне вышибло дверь, которая врезалась в стену рядом со мной, во всей квартире выбило стекла.

Я выглянула из дверного проема, и тут слышались крики дяди Степы, доносившиеся из той самой комнаты, откуда мне под ноги кинули гранату.

– Демоны! Изыдите! – кричал оружейник. – Я вас всех уничтожу! Куда вы попрятались?!
Значит, дядя Степа тут. Ха, сейчас я ему выскажу все, что думаю о его оружейных запасах и о методе встречи гостей. Я решительно направилась в сторону, откуда неслись выкрики.

Войдя в комнату, где только что взорвалась граната, я раскрыла рот от увиденного. Картина, представшая моим глазам, напоминала декорацию американского боевика. Прямо передо мной в полу зияла внушительных размеров дымившаяся воронка; обои, до взрыва белые, теперь стали темно-серыми; по всему полу валялись либо чадившие, либо тлеющие разных размеров книги, вперемешку со стеклом, остатки серванта представляли жалкое искореженное зрелище, непонятно, каким образом еще не рухнувшие на пол, впрочем, как и стойка с аппаратурой рядом с сервантом, а также мебельный гарнитур, состоящий из дивана и двух кресел.

Дядя Степа сидел в позе лотоса посреди третьей комнаты, служившей ему складом и мастерской одновременно, и тщетно пытался проглотить дуло пистолета «макаров», такого же как продал когда-то мне.

– Дядя Степа, что вы делаете? – удивилась я, зная его спокойствие и хладнокровие в любых жизненных ситуациях.

Он поднял глаза, некоторое время пристально смотрел мне в лицо, а затем, не говоря ни слова, направил на меня пистолет.

Этого я никак не ожидала.

Дядя Степа не сводил с меня глаз, усердно пытаясь что-то разглядеть, затем ледяным голосом произнес:

– Изыди, демон.

Эти слова послужили мне командой к действию. Я немедленно отпрыгнула в сторону, чем спасла себе жизнь. Пуля лишь зацепила мое левое плечо. Я упала на обугленные книжки и куски разбитого стекла, разлетевшиеся в гостиной по всему полу. Дядя Степа не собирался прекращать пальбу, мне вслед прозвучало еще три выстрела, еще больше разворотившие и без того пострадавший после взрыва сервант.

Я заскочила в четвертую комнату и выхватила свой газовый пистолет. Прозвучало еще два выстрела. Я осторожно выглянула в дверной проем, последовал выстрел, который чуть было не снес мне полчерепа.

Несколько слов о моем газовом пистолете: он, как бы это сказать, не совсем газовый, то есть он газовый только по документам, а на самом деле народные умельцы расточили мне его под настоящие патроны.

Гостеприимный хозяин квартиры стоял у разбитого окна с нацеленным в сторону комнаты, где я была, пистолетом: пути отступления были перекрыты. Не высовываясь, я выстрелила в его сторону и, как ни жаль, не попала. В ответ косяк разmozжили четыре пули. Мое положение осложнялось тем, что мне приходилось стрелять с левой руки. Честно говоря, это ужасно неудобно и сильно снижает количество попаданий.

После следующих пяти выстрелов у дяди Степы кончились патроны, чем я не преминула воспользоваться. Я выстрелила и попала ему в плечо, однако не учла, что у оружейника за поясом заткнут еще один пистолет – шестнадцатизарядная «беретта», он снова начал стрелять, теперь, правда, реже: видимо, сэкономил патроны.

Через несколько минут перестрелки у меня осталась всего одна пуля. Надо же, как мне везет: избежать смерти от гранаты, чтобы погибнуть от пули ополоумевшего поставщика контрабандного оружия. Радостная перспектива, совсем меня не радовавшая!

– Что, демон, жив еще? Сейчас я тебя уничтожу! – снова завопил оружейник. – Смерть демону!

По разбитому стеклу заскрежетало что-то тяжелое, послышались шелчки. Я выглянула из дверного проема и краем глаза успела разглядеть, что дядя Степа пытается открыть дере-

вянный ящик, замок которого никак не поддавался. Оружейник вовремя меня заметил и первый произвел выстрел: пуля просвистела над самым ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.